

СЦЯПАНАВЫ ПІСЬМЫ

...У бондара Фёдара Хацько з палескай вёскі Юшкавічы, што на Любаншчыне, дзяцей было шасцёра — чатыры сыны і дзве дачкі. Як і многія, з хлеба на кзас перабівалася сям'я, бо што ты зробіш, калі зямлі той — вузкія гоні. А які заробак у вясковага бондара?

Сыны між тым падраслі. Старэйшы — Сцяпан, хлопец хлоцны і статы, ужо і на дзв'ячат заглядаўся, не сёння — заўтра жаніць трэба. «Жаніць не штука, — думаў стары, — за такога любая пойдзе. Але як жыць? Трэба ж і хату збудаваць, і надзел выдзеліць — і ўсё гэта з дзвюх дзясцін. А ў сям'і растуць яшчэ тры сыны і дзве дачкі...»

Аднойчы Сцяпан пайшоў на вачоркі да суседкі Насці. У хаце чадыла лучына. На ўслонах і лавах паселі дзв'ячаты і жанчыны. Яны пралі кудзелю. Першым загаварыў Сцяпану аднагодак — Грышка Пархімовіч.

— Ведаеце, хлопцы, што наш поп Акаловіч гаварыў? — Што мы дурні, лапцямі цяляем. А вунь хлопцы з Обчына паехалі ў Амерыку. Цяпер ходзяць там у капелюхах і камізэльках, пры гадзінніку, як пісар наш...

— То чаму ж сам не едзеш? — спытаў пехта.

— І паеду!.. Вось разоў са Сцяпанам! Праз некалькі дзён па вёсцы пайшла гаворка, што Сцяпан Хацько і Грышка Пархімовіч падаліся ў далёкую, невядому Амерыку. Гэта было ў 1912 годзе. Шукальнікам шчасця ішла тады вясенна-летняя вясна.

Беглі гады. Не аднойчы маці Сцяпана выходзіла за аколлі і да слёз у вачах углядалася ў пыльны гасцінец. Чакала Сцяпана і тая, каму ён абяцаў вярнуцца з грашыма для вяселля. Але ён не вярнуўся ні тады, ні пазней. І толькі зрэдку пісьмы з паштовым штэмпелем «USA» напамінаюць яго братам і сёстрам, што ён жыў.

Перад мной некалькі апошніх пісем Сцяпана Хацько да сваіх родных. Бачна, што няроўныя радкі выводзіла старая дрыгачая рука. Болем і адчаем знявёленага чалавека вее ад гэтых лістоў. Вось яны.

Пісьмо першае: «...Паважаны пляменнік Ванюша, а таксама дарагі брацец і ўся ваша сям'я! Паведамляю, што дарагое для мяне пісьмо я атрымаў, за якое не ведаю як і дзякаваць.

Мне ўжо за семдзесят і таму я на фабрыцы не працую. Атрымліваю невялічкую пенсію (яе адлічвалі ад майго заробку, калі я працаваў). Жыву ў аднаго фермера — жывёлу даглядаю. Слава богу, што ён мяне за гэта корміць. А на фабрыцы работы ўжо даўно не даюць. Яе і маладзейшыя за мяне не маюць...

Я ўжо вам пісаў, што сям'і ў мяне няма і цяпер думаць аб гэтым позна. Я ніколі не марыў, што назаўсёды застануся

тут, за акіянам, і не вярнуся да роднага дома. Але так атрымалася. Мне вельмі хочацца на старасці пабачыць усіх вас, родную вёску, дарагія мясціны і хоць бы памерці на сваёй зямлі...»

Пісьмо другое: «Добры дзень, мае родныя і ўся ваша сям'я. У першых радках свайго пісьма спытаўся паведаміць, што я пакуль яшчэ жывы, хаця не зусім здаровы, як раней быў.

Нядаўна атрымаў ліст ад Рыгора Пархімовіча. Ён таксама адзінокі і хворы. Вельмі хоча са мной пабачыцца. Але я не ведаю, што рабіць, бо і сам хворы, не даеду да яго... Ваш Сцяпан».

Пісьмо трэцяе: «Дарагія, прабачце, што доўга не пісаў. Цяпер мне і пісаць цяжка... Адчуваю, што скоро памру я тут на чужыне, так нікога з вас не ўбачыўшы. Хачу, каб вы ведалі праўду: пчаспе ў Амерыцы не для ўсіх. Мясце, як і многіх іншых, яно абыйшло бокам. Мінулага не вернеш.

У нас цяпер многа забастовак. Людзі патрабуюць прыбаўкі жалавання, памяншэння падаткаў, чалавечых умоў працы. Харчаванне даражэе, жыць усё цяжэй. Невядома, да чаго гэта прывядзе... Застаюся пакуль што ў жывых. Абдымаю ўсіх. Ваш брат і дзядзька Сцяпан Хацько».

Так, сумна лёс склаўся ў старэйшага сына любанскага бондара Фёдара Хацько. А што сталася з астатнімі членамі яго сям'і?

Іх лёс неадлучны ад лёсу ўсяго беларускага народа, які ў 1917 годзе ўзяў уладу ў свае рукі. Хацькі засталіся на роднай зямлі, дзе і зараз жывуць і працуюць. Сын Даніла ў 1928 годзе пачаў службу ў Чырвонай Арміі. Ён прайшоў праз агонь Вялікай Айчыннай вайны і ў чыне падпалкоўніка выйшаў у адстаўку.

Яго дачка Зінаіда скончыла політэхнічны інстытут і мае дыплом інжынера. Рыта пайшла па навуковай частцы. Нягледзячы на сваю маладосць, яна ўжо надрукавала кнігу.

Са зброяй у руках змагаўся з ворагам Фёдар і загінуў на фронце. Яго сын Васіль скончыў тэхнікум, адслужыў у арміі, ажаніўся. Цяпер працуе па спецыяльнасці.

Дачка Мацея Яўгенія пасля заканчэння фінансавага тэхнікума стала бухгалтарам, а сын Іван настаўнічае.

Зразумела, цяпер Сцяпан ні за што не пазнаў бы сваіх Юшкавіч. Ды і як пазнаць, калі ад вёскі засталася, уласна кажучы, адна назва. У вайну тут быў партызанскі край, і фашысцкія карнікі спалілі ўсе пабудовы. Але на месцы папалішчаў юшкавіцкіх сяляне з дапамогай дзяржавы пабудавалі новыя светлыя дамы. Здалёк над імі бачны лес тэлевізійных антэн. У вёсцы школа, бальніца, пошта.

У кожнага ёсць свае справы і клопаты. Але, бадай, больш за ўсё клопатаў напярэдадні Новага года ў работнікаў мясцовага магазіна. Яны не паспяваюць прымаць заяўкі ад сялян на новае адзенне, модны абутак, мэблю, матацыклы, тэлевізары, радыёлы. Гаспадыні прыбіраюць дамы, дзеці нясуць з лесу ёлкі. Сабраўшыся за святочным сталом, маладыя і старыя абавязкова ўспомняць не толькі тых, хто не вярнуўся з фронту, а і тых, хто застаўся на чужыне, удалечыні ад сваёй роднай беларускай зямлі ў пошуках падманлівага шчасця.

І. СУЧКОЎ.

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЕТ ПО-БЕЛОРУССКИ

Давно прошли те времена, когда печальной достопримечательностью Белоруссии были непроходимые болота, заражавшие людей лихорадкой, отгораживавшие их от остального мира. Сейчас болота превращены в плодородные поля, в места добычи ценного топлива и удобрения — торфа. В республике работают 58 торфопредприятий, в том числе такие мощные, как «Березинское», «Светлогорское», «40 лет БССР». Каждое из них даёт столько торфа в год, сколько, например, вся Швеция или Канада. Добыча ведётся на современном индустриальном уровне — механизированным фрезерным способом. Ученые подсчитали, что в недрах Белоруссии залегают 5 миллиардов тонн торфа. О том, как используется это огромное богатство, рассказывает заместитель министра торфяной промышленности БССР Степан Исаченко («ИНДУСТРИЯ НА БАЛОТАХ», 1 стр.).

«СЦЯПАНАВЫ ПІСЬМЫ» (3 стр.) — так называется рассказ о судьбе белорусского крестьянина Степана Хотько, заброшенного на чужбину в голодном 1912 году. Он обещал родным и любимой девушке скоро вернуться с деньгами, купить землю, дом и справить пышную свадьбу. Тогда он встречал свою восемнадцатую весну и был полон сил и надежд. Но шел год за годом, а Степан все не возвращался, и только редкие невеселые письма со штемпелем «USA» напоминали близким, что он жив. Сейчас Степану Хотько больше семидесяти лет, он одинок, живет у фермера — помогает ему смотреть за скотом. Грустные, трогательные письма идут из США на Любанщину.

Недавно в издательстве «Народное образование» вышел альбом «Кузьма Черный». Педагоги, студенты и школьники получили ценное пособие для изучения творчества одного из крупнейших мастеров белорусской прозы. Листая страницы альбома, мы проходим вместе с Черным по дорогам его юности и зрелости, проникаем в мир глубоких мыслей и чувств писателя. Рецензия на альбом помещена на 6 стр. под заголовком «ВЯЛІКАЕ СЭРЦА».

«ВАЧЫМА ЧЭХА» (6 стр.). В связи с традиционным месячным советско-чехословацкой дружбы в печати ЧССР появилось много статей о Советском Союзе. Одну из них, посвященную Белоруссии, мы перепечатываем сегодня из журнала «Свет социализма». Ее автор Э. Шумбера тепло пишет о Минске, о героизме людей, отстаивавших его и поднявших из руин, о всемирно известных белорусских промышленных предприятиях. Большое впечатление произвело на него посещение колхоза «Советская Белоруссия» на Брестщине.

«Декабрь... В лесу и на поле стоит волшебная тишина. Все звуки потонули в пушистой перине снегов. Уснули деревья, кусты, травы», — так начинается заметки «У ПАЛОНЕ БЕЛАЙ МАУКЛІВАСЦІ» (8 стр.) сотрудник Березинского заповедника В. Буторов. Его статьи, полные любви к родной природе и тонкой наблюдательности, не раз встречали читатели на страницах нашей газеты. Поэтично и увлеченно описывает он жизнь лесных обитателей и в звонком цветущем июле, и в декабре — месяце белого безмолвия, когда наша Земля гиканчивает свой очередной гигантский круг вокруг сверкающего Солнца.

Земля Расонщины... Не раз грозной заслоной уставала яна на шляху іншаземных захопнікаў. Са зброяй у руках сустрэлі расонцы і нямецкіх акупантаў.

Прайшлі гады. Непазнавальна змяніўся партызанскі край. Выраслі новыя вёскі, новыя школы, бальніцы, клубы. На месцах былых партызанскіх баёў цяпер кіпіць стваральная праца.

НА ЗДЫМКАХ: Былы камандзір партызанскага атрада імя Фрунзе М. ЛУТКОЎСКИ і партызанская сувязная М. МАТВЕЕВА на месцы стаянкі партызанскага атрада. Мемарыяльны комплекс у Расонах.

Фота Г. УСЛАВАВА.

технику, в партизанских районах по-прежнему коллективно обрабатывали поле.

Ленинский план преобразования деревни на кооперативных началах получил широкую поддержку не только у советских крестьян, но и у земледельцев стран социалистического содружества. На Третьем Всесоюзном съезде колхозников выступали гости из-за рубежа. Все они подчеркивали огромное значение коллективного социалистического сельского хозяйства и его неоспоримые преимущества перед капиталистическим.

— С радостью могу сказать вам, — заявил на съезде колхозников представитель из Чехословакии Коломан Бодя, — что кооперативный план Ленина полностью внедрен в Чехословакии...

Прошлый год в Чехословакии был проверкой нашего социалистического сельского хозяйства, на котором сосредоточились замыслы классового врага. Чехословацкие сельскохозяйственные кооперативные крестьяне не позволили свести себя с ленинского пути, на который 20 лет тому назад по образцу со-

ветских колхозников они вступили.

Так же, как и советские колхозники, кооперативные крестьяне Чехословакии не помышляют о возвращении к старому единоличному хозяйству. Поэтому все попытки контрреволюции в Чехословакии подорвать коллективные основы сельского хозяйства, призывы вернуться к старому, распустили кооперативы не нашли поддержки среди крестьян. Это еще одно веское доказательство прочности колхозного строя, его жизненной силы.

Ленинский кооперативный план служит образцом для многих развивающихся стран Азии и Африки. «Народ Гвинеи», — сказал на Всесоюзном съезде колхозников представитель этого африканского государства Умара, — добившись национальной независимости, отбросил старую структуру экономического развития страны и перешел на новый, некапиталистический путь развития, в результате чего были национализированы все средства производства и земля была передана трудящимся массам... Наш трехлетний план развития наметил создание 500 сельско-

хозяйственных кооперативов».

Огромные достижения колхозного строя в Советском Союзе. Наш крестьянин избавился от тяжелого прошлого, стал образованным и культурным человеком. Иным стал его труд, не похожий на прежнюю жизнь. Более одной трети колхозников имеют высшее и среднее образование. На колхоз в среднем приходится свыше 50 тракторов, десятки грузовых автомобилей, комбайнов, электромоторов. Советские крестьяне — хозяйева своей судьбы. По их примеру хотят строить жизнь труженики земли в разных странах мира.

Цепляясь за старое, идеологи буржуазии все-таки тешат себя надеждой поколебать веру крестьян в преобразующую силу коллективного труда. Когда не удаются фокусы с возвратом к единоличному хозяйству, изобретаются новые «теории». К примеру, такая: кооперативное хозяйство — это не плохо, но не при социализме. Вот на западе кооперативы — это да!

В своей речи на Третьем съезде колхозников Генераль-

ный секретарь движения в защиту крестьянских хозяйств Франции Раймон Мино рассказал советским земледельцам о проблемах мелкого и среднего крестьянства Франции. В этой стране насчитывается множество различных кооперативов, но они не играют такой роли, как в Советском Союзе. «Даже в кооперативе, — подчеркнул Раймон Мино, — мелкий крестьянин остается мелким крестьянином и продолжает испытывать давление крупных фермеров и последствия политики правительства. Для полного расцвета кооперации необходимы два условия: власть в руках народа и аграрная реформа».

Соответствует ли колхозный строй интересам народа? Для советских крестьян этого вопроса не существует. Они проголосовали за него и в тяжелые годы военных испытаний, и в трудное время послевоенной разрухи. Не существует он и для крестьян многих зарубежных стран. В ленинском кооперативном плане находят они ключ к разрешению вечных социальных проблем в деревне.

В. КРАСЛАВСКИЙ.

НЕДАВНО КОРРЕСПОНДЕНТ «КОЛАМБИЯ БРОДКАСТИНГ СИСТЕМ» МАЙК УОЛЛЕС ВЗЯЛ ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ИНТЕРВЬЮ У ПОЛЯ МИДЛО — АМЕРИКАНСКОГО СОЛДАТА, ПРИНИМАВШЕГО УЧАСТИЕ В УНИЧОЖЕНИИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНО-ВЬЕТНАМСКОЙ ДЕРЕВНИ СОНГМИ. НИЖЕ ПУБЛИКУЮТСЯ ОБШИРНЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЭТОГО ИНТЕРВЬЮ, ВЗЯТЫЕ НАМИ ИЗ ПОЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЖЫЦЕ ВАРШАВЫ».

МИДЛО: Капитан Медина собрал всех нас, ну... и дал инструкции. В этот момент я всех не помню.

УОЛЛЕС: Сколько вас было?
— Ну, с артиллерийским подразделением было, пожалуй, человек шестьдесят — шестьдесят пять. Но артиллерии с нами не было. Артиллерия — это, наверно, 20—25 человек, около 25 человек в подразделении. Так что в Пинквиле (так американцы называют Сонгми) не было всего батальона, определенно не было.

— Но ведь вы вылетели из своего лагеря...

— Да, из лагеря «Куколка».
— ...ранним утром!
— Ранним утром.

— И какие получили инструкции после прибытия в Пинквиле!

— Выяснить, есть ли противник в деревне, и подготовиться к бою.

— Понятно. Вы, значит, вылетели. На скольких вертолетах!

— Первая партия — на четырех. Четыре вертолета и...

— По сколько человек в каждом!

— По пяти. Приземлились недалеко от деревни, построились в цепь и пошли.

— Вами командовал сержант Митчел!

— Командовал всей ротой. Ну, тогда один солдат и застрелил желтого. А мы вошли в деревню. И начали обыскивать деревню, вытаскивали жителей и сгоняли их на центральную площадь.

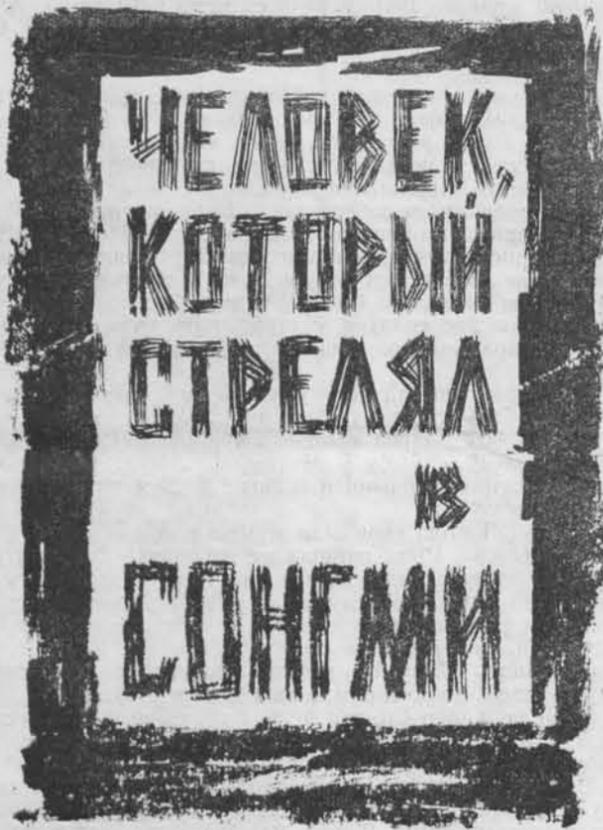
— Сколько собрали жителей!
— Ну, человек сорок — сорок пять. Сгнали их туда. И оставили так, посреди деревни, как островок, можно сказать. И...

— Что это были за люди! Мужчины, женщины! Дети!

— Мужчины, женщины и дети.

— И грудные!

— И грудные тоже. Окружили их и приказали всем присесть, а лейтенант Келли подошел и сказал: «Наверно, знаете, что с ними сделать. Нет!» Я ответил: «Да». Я думал, он хочет, чтобы мы их просто стерегли. Лейтенант ушел, потом вернулся через минут десять — пятнадцать. И сказал: «Вы их еще не прикончили!» Говорю ему, что я не знал, что он хочет прикончить их, — я думал, что он хочет только караулить их. «Нет, — говорит

он, — хочу, чтобы убили». Ну и...

— Он сказал это всем или только вам!

— Я как раз стоял против него. Да. Но остальные — трое или четверо парней — тоже слышали. Тогда он отошел на 10 — 15 шагов и стал стрелять по вьетнамцам. Сказал мне, чтобы и я начал... И я начал. Выпустил, наверно, серии четыре.

— Вы дали четыре серии из своего...

— М-16.

— Это около... Я имею ввиду, сколько...

— Каждая серия — 17 выстрелов.

— Значит, вы сделали по ним около 67 выстрелов!

— Вот именно.

— И сколько вы убили!

— Как бы это сказать... Я стрелял из автомата, и потому вы не можете... Проще говоря, это так, как будто их поливали водой, и поэтому нельзя было видеть, сколько убито. Из-за того, что серии частые. Думаю, я мог убить от десяти до пятнадцати.

— Мужчин, женщин и детей.

— Мужчин, женщин и детей.

— И совсем маленьких тоже!

— Да.

— О кей! Ну и что дальше!

— Мы привели их больше.

Решили затолкать их в землянку... Ну, и затолкали их туда, и бросили вслед за ними гранату. Тогда кто-то сказал нам тащить их в канаву. Мы выволокли их из дома и потащили в канаву... За это время туда уже собрали всех вместе, пожалуй, человек 70—75. Мы добили своих, и лейтенант Келли сказал: «Мидло, — говорит, — есть еще работенка». Подошел к людям, начал их сталкивать и стрелять.

— Начал сталкивать в канаву!

— Да. Это был ров. Мы все начали сбрасывать их в ров и стрелять. Спихнули всех и начали по ним лупить из автоматов. И тогда...

— Снова по мужчинам, женщинам и детям!
— По мужчинам, женщинам и детям.

— И по грудным!

— И по грудным. Мы, значит, начали палить из автома-

тов, но кто-то сказал, чтобы перешли на одиночные выстрелы для экономии патронов. Перешли на одиночные. Израсходовали еще несколько магазинов. А потом я как раз... Мы как раз... Все мы начали снова собираться. Начали отходить... И пустили перед собой желтых, чтобы... вы понимаете, чтобы прикрыться...

— Прикрыться! Вы имеете ввиду — прикрыться спереди!

— Да... На следующее утро нам следовало совсем уйти из этого района. Отойти. А назавтра, в следующее утро, я наступил на мину и потерял ступню.

— И вы вернулись в США!

— Потерял ступню и вернулся в США.

— Как вы расцениваете все это!

— Чувствую, что меня обманули. Организация ветеранов полностью не признала моего инвалидства. Сказали, что культя хорошо залечена и боль прекратилась. Да, залечена хорошо, но мне еще далеко до того, чтобы свободно шевелить ей. И без боли! Болит все время! Я должен работать по восемь часов ежедневно и все время на ногах. К концу дня едва выдерживаю. Но работать надо. Организация ветеранов не дала мне хорошей пенсии.

— Было ли у вас чувство вины за то, что вы совершили!

— Ну, когда утром наступил на мину, то почувствовал, что пришла расплата.

— Зачем вы это сделали!

— Я считал, что таков приказ... Тогда все выглядело именно так... Тогда выглядело, что я поступаю, как надо, потому что, как бы это сказать... Я терял друзей. Потерял, черт возьми, очень хорошего друга, Боба Вильсона. Мне было так тяжело. После того, что сделал, стал чувствовать себя лучше.

— Вы женаты!

— Разумеется.

— Сколько детей!

— Двое.

— Какого возраста!

— Мальчику два с половиной, девочке — полтора.

— Напрашивается вопрос...

Отец двоих маленьких детей... Как можно расстреливать других детей!

— Тогда у меня дочка не было. Был только маленький сын.

— Как вы могли стрелять в детей!

— Не знаю. Об этом думает кто-то другой.

— Как вы считаете, сколько людей убито в тот день!

— Думаю, что около трехсот семидесяти.

— Почему вы назвали именно это число!

— Так, на глазок.

— Это значит, что вы лично видели именно такое количество людей. Сколько из них вы лично убили!

— Не могу сказать... Просто очень много.

— А сколько человек вело стрельбу вообще!

— И этого не знаю, честное слово. Были там и другие... другая команда. Ну просто не могу сказать, сколько...

— Но ведь этих мирных жителей поставили в ряд и расстреливали с близкого расстояния. Их ведь не убивали перекрестным огнем!

— Никто их не ставил... Просто толкали в канаву. А некоторые стояли на коленях. И в тех стреляли.

— Те крестьяне, особенно женщины и дети, старики, — что они делали! Что вам говорили!

— Нечего им было сказать. Просто их толкали, а они делали то, что приказано было делать... Ну и просились, кричали: «Нет! Нет!» И матери закрывали детей руками, но они все же попадали под огонь. Ну, вообще мы их все время держали под огнем. Они махали руками и просились.

— Это вам сильнее всего врезалось в память!

— Да.
— И ничто не тронуло вашего сознания и сердца!

— Не один раз... Много раз...

— Тогда, когда вы стреляли!

— Нет, не тогда. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Не знаю. Просто... просто я получил удовлетворение после того, что видел раньше.

— Что вы имеете ввиду!

— Ну вообще, я был в бешенстве... как если бы... Мои друзья или погубили, или были ранены, или... Ну, и это, вообще... был реванш.

— Возникает одно замечание... Я был там, во Вьетнаме, а в свое время, во время второй мировой войны, тоже убивал и так далее. Но вот такое замечание... Мы много говорили о том, что творили нацисты и японцы, особенно что творили нацисты в войну, — жестокости, вы знаете. Очень многим американцам трудно понять, как молодые американские парни могут поставить перед собой стариков, женщин и детей и хладнокровно расстрелять их. Как вы объясните это!

— Не знаю.

— Вам когда-нибудь снилось то, что произошло в Пинквиле!

— Да, снилось. И до сих пор снится.

— И что же вам снится!

— Вижу женщин и детей. Временами... ночью даже не могу уснуть. Просто лежу и думаю об этом...

пишут земляки

Много лет я получаю книги, газеты и журналы с Родины. Благодаря этому я знаю, что происходит на моей родной земле, каких успехов добился наш народ. Кроме того, несколько лет назад я был у своих родных и имел возможность своими глазами увидеть, что сейчас живут во много раз лучше, чем при буржуазной Польше. А работают не так тяжело, потому что на помощь крестьянам пришли тракторы и комбайны.

Уверен, что белорусский народ, который при Советской власти добился таких успехов, будет и дальше идти вперед по пути прогресса. Для этого нужно, чтобы советским людям не мешали в их мирном строительстве, чтобы был мир на земле.

Но капиталисты думают иначе и счастье понимают по-своему. Для них счастье — это когда где-то идет война, как они теперь любят говорить «local war», в которой сгорают тысячи жизней, а им летят в карман денежки. Уже дважды капитализм разжигал пожар мировых войн. Да и после сорок пятого года не затухали огни войн, которые тщетно поддерживали капиталисты. Вот и теперь империалисты Соединенных Штатов разбойничают во Вьетнаме. Эта война — позор Америки. И все больше честных людей в самих Соединенных Штатах и в других странах выступают за немедленное прекращение этой грязной авантюры. Уверен, что рано или поздно американским оккупантам придется убираться из Вьетнама. Конец у агрессоров всех времен был один — поражение и позор.

А. ХОХА.

Англия.

Масты.

Фотазюд Ул. ЛУПЕЙКИ.

ПРАЗ ТРЫЦЦАЦЬ ГОД

Яны сталі грамадзянамі Савецкага Саюза ў 1939-м. Згаду ў кожнага засталіся гады жорсткай барацьбы з фашыстамі на роднай іспанскай зямлі.

Савецкія людзі як дарагіх братоў прынялі ў сваю сям'ю герояў-рэспубліканцаў. А неўзабаве многія іспанцы зноў узяліся за зброю, сталі на абарону сваёй другой радзімы. Некаторыя з іх загінулі на палях бітваў з гітлераўцамі, а тыя, хто застаўся жывы, вярнуліся да мірнай працы.

Есць ураджэнцы Іспаніі і ў нашым горадзе. І вось яны

сабраліся на ўрачысты вечар, прысвечаны 30-годдзю знаходжання ў нашай краіне. Даклад зрабіў выкладчык Мінскага педагагічнага інстытута замежных моў Хасэ Марыя Флорэс. Выступілі таксама байцы інтэрнацыянальных брыгад, якія змагаліся ў Іспаніі. Удзельнікаў урачыстага вечара вітаў другі сакратар Мінскага гаркома КПБ Ул. Ляпешкін.

ПРИМИТЕ МОЙ ПРИВЕТ

В Минске меня тепло встретили сотрудники Белорусского товарищества по культурным связям с соотечественниками за рубежом и редакции газеты «Голас Радзімы». Пользуюсь случаем, чтобы передать через газету сердечный привет членам союза «Березка» в ФРГ Розалии Колгановой, Ефросинии Дзюбе, Лидии Пинчук, Ивану Василенко, Надежде Ракитной, Григорию Сисому.

Минск я не видела три года. За это время он стал еще больше, еще красивее. Строительство продолжается теми же темпами, несмотря на наступление зимы.

Люди живут хорошо, зажиточно. Они красиво одеты. В магазинах полно продуктов и промтоваров. Это я рассказываю потому, что в ФРГ часто приходится слышать разговоры, будто Белоруссия — бедный край. Такие разговоры могут вести только недруги нашей Родины, готовые чернить ее любыми путями.

Отсюда, с родной земли, шлю привет всем, кто ее любит, и желаю им побывать в Белоруссии, своими глазами увидеть счастливую жизнь ее народа.

Тамара ГЕРЦБЕРГЕР.

У Мінск прыйшла зіма.

Фотаэцюд С. АНАНКИ.

«А ВСЕ ЖЕ МНЕ ПОЛАГАЕТСЯ БОЛЬШОЙ КУСОК...»

В «Вестнике» от 30 июля я прочла статью В. Мацкевича под заглавием «Ты имеешь право, но... зачем совершать роковую ошибку?» Жаль, что газету мы получаем с большим опозданием, и статья эта могла забыться читателями. Но когда я начну свой разговор, думаю, они ее вспомнят.

В. Мацкевич описывал случай вторичного возвращения на Родину Александра Бычкайло и нескольких других эмигрантов из Аргентины.

Вопрос, который поднимает автор статьи, очень интересен наших соотечественников за рубежом.

Многим непонятно, почему люди, когда уехавшие из своих родных мест в Южную или Северную Америку, прожив там десятки лет и всю жизнь мечтая вернуться на Родину, так же легко оставили вторично родную землю и уехали обратно в Аргентину, Бразилию или Канаду.

Вспоминаю, когда в 1939 году Советская Армия освободила Западную Белоруссию и Западную Украину, в советское консульство в Нью-Йорке (с Канадой СССР еще не имел дипломатических отношений), посыпались письма эмигрантов, чтобы им разрешили вернуться на Родину. Это понятно.

В двадцатые и тридцатые годы они достаточно хлебнули горя на чужбине в «золотой» Америке и рвались домой. Причиной возвращения домой были, конечно, не только плохие материальные условия, но и духовная потребность.

И вдруг фашистская Германия напала на Советский Союз. О возвращении не могло быть и речи. Люди, горячо любящие свою Родину, активно включились в работу Комитетов помощи Родине.

Отпраздновали победу, пошла мирная жизнь, и люди, не забыв своей заветной мечты, продолжали осаждать советские посольства.

Не помогли окровавленные беседы сотрудников посольств о том, что в Советском Союзе еще очень трудно жить. Все разрушено, не хватает жилья и предметов первой необходимости. «Да что вы, — говорили люди, — мы это все прекрасно понимаем, и мы готовы мириться со всеми трудностями, лишь бы быть на родной земле, среди своего народа.»

Кроме основной причины «быть со своим народом», была не менее важная — страх перед будущим, перед тем, что экономический «бум» в США и Канаде взорвется, как бомба. Эмигранты боялись, что заработанные во время войны деньги иссякнут и не будет за что приехать домой.

Были случаи, когда они приходили в посольство СССР в Оттаве и заявляли, что они будут сидеть в посольстве до тех пор, пока их не отпустили на Родину.

Каждый эмигрант ставил перед собой цель: одни ехали на Родину к своим семьям, другие — работать и жить, чтобы не испытывать больше страха перед депрессией и безработицей и не слышать оскорбительных слов «боханк» и «гринхорн», третьи — воспитать там своих детей, дать им высшее образование.

Были и такие, которые ехали, чтобы «учить» советских людей, как жить, занять место «профессора», «министра» или даже «дипломата». А некоторые думали: «Заве-

зем полные сундуки отрезков, платков, нейлоновых изделий, там выручим столько денег, что сможем жить до смерти, не нуждаясь в копейке». Хорошо, что таких были считанные единицы.

Итак, эмигранты возвратились на Родину. Кто хотел, нашел себе место в жизни. Советское правительство дало им квартиры еще тогда, когда инвалиды Отечественной войны жили в подвалах и землянках. Работу дали по выбору, а хочешь учиться — пожалуйста.

И те эмигранты, которые ехали на Родину с чистой совестью и без задних мыслей и иллюзий, живут и довольны своей жизнью. Они идут в ногу с советским народом и своим мирным трудом строят лучшую жизнь. А те, кто изо дня в день стоял на базаре, рекламируя американские товары, остались самыми «обиженными», хотя советское правительство не препятствовало продавать: мол, «их труд, они имеют на это право». Здесь они не работали по несколько лет и хорошо жили, а когда возвратились в Канаду, чуть ли не на следующий день уже искали работу.

Правильно говорил Мацкевич о том, что некоторых реэмигрантов сманили обратно в Аргентину родные, а может быть, и привычный образ жизни. Теперь они просят Верховный Совет СССР разрешить им вернуться опять на Родину. Они признают, что сделали большую ошибку. Но ведь возвратились туда и такие, которые считают, что поступили правильно. Они предпочитают муть уборные, батрачить. Мы уважаем любой честный труд, но чтобы эти «любящие Родину» возвращенцы сказали, если бы по приезде в Советский Союз им предложили такие вот работы вместо работы по их выбору?

Что ж, осудить их? Зачем? Сама жизнь их осудила. Пусть каждый живет где хочет и как хочет. Но зачем попирать и поганить свою землю, на которой родила его мать? В течение своей жизни они были иммигрантами, реэмигрантами и еще раз стали возвращенцами. Кем же они станут в будущем?

Думаю, не ошибусь, если скажу о имевших тех, кто возвратился на постоянное жительство на Родину, что если бы нам пришлось выбирать свой жизненный путь, то мы избрали бы именно такой путь в жизни.

Безусловно, если бы я сказала, что у нас не было трудностей по приезде в Советский Союз, мне никто не поверил бы. Было бы смешно думать, что человек, который уже привык жить в других условиях, подчиняться иным законам, не почувствовал неудобств от перемены. Однако честный человек постарается понять жизнь новой страны, объяснить ее с точки зрения исторического развития.

Зная советских людей, я верю в то, что Александра Бычкайло приняли второй раз в Пинске хорошо. Ему дали ту же квартиру, ту же работу, не упрекнули ни словом. У советского народа добрая душа. Однако, когда корреспондент спросил Бычкайло, как его приняли второй раз, он сказал: «Хорошо — только вот я метил заполучить новую машину, а ее отдал другому...»

Терпелив советский человек. О других он привык раньше заботиться, а уж потом о себе.

Надежда САВИЧ.
Днепропетровск, УССР.
(«Вестник»).

A U. S. AND A SOVIET SCIENTIST SPEAK ON DISARMAMENT

Freeze the Arms Race at Once

By Dr. Jeremy J. STONE

OPPORTUNITIES for important disarmament measures are rare like launch windows for rockets to Mars. Today such a launch window exists. But it will not last long. The disarmament launch must be made at once.

Why are conditions right? Militarily, the Soviet Union has caught up with the United States in terms of strategic capabilities. Both sides are as equal in their destructive ability as two different military forces can be.

Politically and economically, conditions are right also. Both sides feel deeply the need for additional resources to improve their societies. The United States has already spent 1,000,000,000,000 dollars on the arms race and the Soviet Union has certainly spent comparably large amounts. Politically, both sides are preoccupied with other problems. And everyone recognizes that the cold war is over, and that the arms race is unnecessary, wasteful, and deeply dangerous.

Why is agreement especially urgent? First, some of these conditions could easily change. There could be a return to cold war. Second, military experts know that both sides are beginning to build new weapons systems that could shift the balance. For example, Soviet experts have complained about the US Safeguard antiballistic missile system. And US experts have shown concern about the Soviet antiballistic missile system. Moreover, each side will soon begin a program of increasing the number and power of its nuclear warheads. Today we are on a military plateau. But technological developments may well make any arms limitation more difficult to develop and enforce a year from now or six months from now than it is today.

Soon the United States and the Soviet Union will begin serious exchanges of opinion on this problem on a high and expert level. What should be the guiding principle of these talks? The principle should be one of a prompt and complete halt to the strategic arms race, even if temporary. Many important American statesmen know this. For example, Senator Mike Mansfield of Montana, leader of the Democratic majority, said recently that the United States and the Soviet Union should begin the talks with simultaneous declarations calling for an interim moratorium on further deployment of all strategic weapons. On the Republican side, Senator Charles Percy of Illinois has made a similar proposal.

In my opinion, the country which first enunciates this principle of freezing the arms race will capture the heart of mankind. Everyone is agreed that the eventual goal is general and complete disarmament. What mankind wants to know is what to do first! Freezing the arms race is the obvious answer.

Should the defensive rockets be frozen also? I think so. They add to military potential and they provoke military planners on the other side. If some defensive rockets are desired, for example, to protect against those who will not agree to disarmament measures, then these rockets must be built in the context of an agreement. Nothing must interfere with the main priority of ending the major danger—a nuclear war between the United States and the Soviet Union following an unchecked

Professor Jeremy J. Stone, as a specialist in disarmament, has published two books, *CONTAINING THE ARMS RACE* and *STRATEGIC PERSUASION*. Professor Stone is now International Affairs Fellow at the Council on Foreign Relations in New York.

arms race. In America, we say «first things first».

Another reason why it is important to end the arms race at a stroke is found in military strategy. Everyone knows that each side is reacting to the weapons of the other side. This action and reaction phenomenon leads to a web of complicated relations between the weapons on each side. For example, supporters of the US anti-ballistic missile system said it was a necessary response to Soviet action in building offensive weapons. And US supporters of building additional offensive warheads said that these were necessary because of Soviet defensive rockets. I am certain that similar fears and similar reasoning goes on in the Soviet Union.

Does anyone think that the great socialist leader Lenin would have been satisfied with halfway measures? Of course not. In my opinion, he would have considered a freeze of the arms race to be a logical descendant of his proposal for general disarmament.

Today there is still suspicion on both sides. Each wonders if the other side is really «serious» about the arms talks. In such an atmosphere, each side must be sure that the other cannot blame it for «not being serious». A complete halt to the arms race has become a serious proposal. Public opinion will be watching closely when high level arms discussions begin. We should remember that «first impressions are important».

In deciding what to do, the political leadership of each side must have confidence in itself. For too long, the arms race has been left to military planners. But the arms race is a political problem. Balancing the risks of continuing it with the risks of stopping it is a political decision. The arms race is too important to be left to those who will use the weapons if war breaks out.

Today each side can destroy the other completely. Therefore neither side will attack the other deliberately. War can still happen. But it will be a war nobody wants. And a freeze on the further construction of offensive and defensive missiles would be a major step toward preventing such a war. A shifting strategic balance complicates enormously the political and military problems of designing obstacles to war.

In 1955 and again in 1960, there were launch windows for disarmament. Today we have the third and the best opportunity to halt the arms race. Opportunities like this one will not come again soon. We must cultivate a sense of urgency that 25 years of arms race have tended to diminish. Statesmen on both sides must seize this chance and help one another. Will they succeed? Only time will tell; and there is little time left.

While we seek to freeze the arms race build-up, we should also freeze the proliferation of nuclear weapons to other countries. Indeed, in my opinion, the non-proliferation treaty will become an unspoken but important agreement against the first use of nuclear weapons. The treaty will be a legal bar against the use of nuclear armaments by non-nuclear powers, since it will prevent the acquisition of such weapons. And it will be a moral deterrent to the use of nuclear weapons by nuclear powers.

Today many can hope that nuclear weapons will never be required. But even one small nuclear attack would destroy these hopes.

(To be continued).

Голас Радзімы

№ 450 (1108)

У сувязі з традыцыйным мясячнікам чэхаславацка-савецкай дружбы друк ЧССР публікуе многа артыкулаў пра нашу Радзіму. Адзін з іх, надрукаваны ў часопісе «Свет сацыялізма», расказвае пра Беларусь. Прапануем яго чытачам.

Паспяхова працуюць нядаўнія выпускнікі Беларускага тэатральна-мастацкага інстытута мастакаманументалісты Венямін МІГАЛЬ, Вячаслаў ПАЗНЯК і Антон ВАЛАТОВІЧ. Яны зрабілі вітраж для фаяды дома культуры трактарнага завода, мазаіку для калгаса «Чырвоны Кастрычнік» Магілёўскай вобласці, вітраж для прамысловай выстаўкі ВДНГ СССР, які экспанавалася ў Плоўдзіве, і фрэску ў зімовым танцзале сталіцы рэспублікі. Цяпер мастакі працуюць над вітражом для музея гісторыі Айчыннай вайны.

ВЯЛІКАЕ СЭРЦА

Гэтую кніжку бярэш у рукі з затоеным хваляваннем. На цябе глядзяць разумныя, пранікнёныя вочы чалавека, які стаў даўно любімым і паважаным. Яшчэ са школьнай парты зблізіўся ты з яго героямі, падзяляючы іх складаны лёс, захапляючыся або ненавідзячы іх норавы і ўчынкі. Разнастайны свет адкрыў перад табою гэты нястомны працаўнік літаратуры, імя якога — Кузьма Чорны. Ён пражыў нямнога. А зроблена багата. Раманы, апавесці, п'есы, апавяданні, крытычныя і публіцыстычныя артыкулы — ва ўсіх гэтых жанрах ён пакінуў глыбокі і адметны след.

«Вялікае шчасце для пісьменніка, — гаварыў Кузьма Чорны, — пісаць аб народзе і яго шчасці і самому быць шчаслівым разам з народам». Гэтыя словы былі нязменным дэвізам у яго штодзённых турботах і творчых пошуках. А пошукі абяцалі вялікі плён. «...Нарысавана ў мастацкіх вобразах гісторыю беларускага народа за часы знішчэння паншчыны і да нашых дзён — эпохі сацыялізма і руху народаў да камунізма», — такую задачу ставіў перад сабою пісьменнік. Яна ў значнай ступені адзейснена.

Пра маштабнасць творчых задум і іх мастацкае ўвасабленне яскрава сведчаць матэрыялы, што ўвайшлі ў альбом-выстаўку для школы «Кузьма Чорны» (выдавецтва «Народная асвета», складальнік І. Кудраўцаў). Выкладчыкі роднай мовы і літаратуры, вучні і студэнты атрымалі цікавы дапаможнік пра аднаго з выдатнейшых майстроў беларускай прозы. Ужо некалькі гадоў назад яны мелі мажлівасць папоўніць сваю бібліятэчку падобнымі выданнямі пра Янку Купалу, Якуба Коласа і Максіма Багдановіча.

Гартаем старонку за старонкай альбома-выстаўкі і трапляем у свет вялікіх думак і багатых пачуццяў. Быццам сам пісьменнік вядзе нас сваімі жыццёвымі дарогамі і сцэжкамі, шчыра і задушэўна апавядаючы пра нягоды і радасці, пра ўсё тое, што яго непакоіла і захапляла.

Уредлівая зямля Слуцчыны дала беларускай літаратуры цэлую плеяду майстроў слова. Сярод іх самае пачэснае месца займае Кузьма Чорны. Выйшаўшы з парабкоўскай сям'і, ён узняўся да вышніх усенароднага прызнання і стаў побач з лепшымі прадстаўнікамі нацыянальнай культуры.

Аўтабіяграфічныя матэрыялы, змешчаныя ў альбоме, шырока знаёмяць нас з жыццёвым і творчым шляхам пісьменніка, надаючы ўсяму расказу характар непасрэднасці і сардэчнай гутаркі пра час і пра сябе.

«...І звыклы з маленства колер неба, і знаёмае дрэва, і магілы продкаў, і дзяржаўны лад, і дачыненне да блізкіх і родных людзей, і кожнадзённая патрэба прычынацца раніцой і працаваць, і смак вады ў гарачыню, і каханне да любай жанчыны, і ціхі колеры неба на захадзе сонца. Гэта кожны па-свойму ўспрымае, але з гэтага ў кожнага складаецца жыццё, яго прыхільнасці, яго асаблівасці, яго імкненні: гэта жыццё. Гэта Радзіма», — так выказаў свае пачуцці да роднай зямлі Кузьма Чорны.

Пісьменнік прыгадвае свае дзіцячыя і юнацкія гады, часы станаўлення і росту як літаратара, раскрывае творчую гісторыю раманаў «Бацькаўшчына», «Трэцяе пакаленне», «Люба Лук'янская», апавесцей «Лявон Бушмар», «Насцечка», п'есы «Рынка», шматлікіх апавяданняў. Ілюстрацыі, пададзеныя ў альбоме (фатаграфіі, малюнкi да твораў, сцэны са спектакляў), дапаўняюць і пашыраюць уяўленне аб змесце і вобразах кнігі, наглядна даносячы да чытача думкі і пачуцці аўтара.

Кузьма Чорны заўсёды дбаў пра лёс роднай літаратуры, аддаючы ўсяго сябе гэтай пачэснай і нялёгкай рабоце. Ён высока цаніў тых, хто пракладаў першыя барозны на ніве беларускай культуры, рупліва засяваючы яе зернем праўды і красы, радуючы людское сэрца буйнымі ўсходамі. Купала, Колас, Бядуля, Багдановіч — ім выносіць пісьменнік глыбокую ўдзячнасць і пашану ў сваіх артыкулах. Вучычыся ў прызнаных майстроў слова, ён шчодро перадае вопыт і ўменне маладым літаратарам. Адзін з яго выхаванцаў, вядомы беларускі пісьменнік Іван Мележ так успамінае пра свайго настаўніка: «Гэта было добрае, чулае да людзей сэрца... Каму, як не яму, былі добра відны шматлікія пралікі і прамашкі няспелых твораў нявопытных пачынаючых, каму лягчэй было «зарэзаць» такі твор, а ён шукаў крупіны добрага, назіральнасці, роздуму, жыццёвага вопыту, крупіны таленту».

На ўсіх этапах свайго жыцця Кузьма Чорны быў з народам. І ў гады станаўлення сацыялістычнага ладу ў краіне, і ў час суровага ваеннага выпрабавання не змаўкаў яго палымяны голас. На жаль, рана перастаў ён гучаць. У 44 гады пісьменніка не стала. Засталіся няздзейсненымі шмат якіх яго творчых задум і планы. Але будзе вечна біцца вялікае сэрца выдатнага сына беларускага народа ў літаратурнай спадчыне, пакінутай ім для нашчадкаў.

М. БАЗАРЭВІЧ, І. КУРБЕКА.

У драматычным тэатры імя Янкі Купалы адбылася чарговая прэм'ера — спектакль па п'есе маладога беларускага драматурга А. Петрашкевіча «Адкуль грэх!» НА ЗДЫМКУ: сцэна са спектакля.

Фота П. ЗАХАРЭНкі.

Новыя вершы

Міхась СТРАЛЬЦОУ

Страчы, машынка-кулямёт!
Хай стане кулямі ўмалот
Свінцовых літар. Наўпрасткі
Ідзіце ў бітву, слоў палкі.
Не я прыдумаў смерць, не я,
Двудушнасць выпеліў не я,
Мана прыдуманая не мной,

І крыўда ўскормлена не мной.
Любоў я выпеліў і гнеў,
Які пакора не сагне.
Страчы, машынка-кулямёт!
Хай стане кулямі ўмалот
Свінцовых літар. Наўпрасткі
Ідзіце ў бітву, слоў палкі.

Вера ВЯРБА

Хутка і мы пастарэем.
Што ж пасля нас застаецца!
У холадзе снежнай завеі
Сонечным промнем — дзеці.

Я ўспамінаю дагэтуль
Твар сваёй маці пшчотны!..

Крыкні, маленства птушка!
Стракаты трымаю мячык,
Лапоча аб нечым дачушка,
Хлопчык па хаце скача.

Усё, чым жыло маё сэрца, —
І не забыць і не сцерці,
Хай застануцца дзеці
Пасля нашай смерці.

І па чыіх заповетах
Часта гадзінай самотнай

Дзеткі, мае галубочки,
Гора маё і надзея!
Дождж — іх гадуў, як
грыбочкі,
Свет — не спалі сухавеем.

САМЫМ необычным у Благовещенского была шея, вернее, почти полное ее отсутствие — голова лежала прямо на плечах, словно приклеенная после ремонта. На сытом гладком лице Ивана Алексеевича не утасала самодовольная улыбка. А усы зло торпорщились, маленькие глазки, прикрытые очками, глядели настроенно — нет ли подвоха. Покойный соборный протопоп из Юрьевца на Волге не раз говаривал попаде: «Двуликого ты мне родила... Словно бы улыбается, а всмотришься — сожрать тебя готов...»

С Трухиным Благовещенский встретился, как с другом, троекратно облобызал. К Власову подходить не спешил, играл в незаинтересованность.

— У вас гость, Федор Иванович? Может, попозднее взглянуть?

— А я хочу вас, Иван Алексеевич, с моим гостем наедине оставить... У Андрея Андреевича до вас дело...

Трухин ушел, пожелал успешных переговоров.

— Правильно сделал, — похвалил Трухина Благовещенский, — а то бы учить начал. Очень он это занятие обожает... Слушаю вас, ваше превосходительство...

— Ваше превосходительство? — удивился Власов.

— А что? Привыкайте... Дело большое начинаете, пора и почетом обзавестись...

Табель о рангах помните? Генерал-лейтенант — это, следовательно, чин третьего класса, всего их было, если помните, четырнадцать, четырнадцатый, самый низший, — коллежский регистратор, а вы третьего, равнозначного по гражданской иерархии тайному советнику... Надо заметить, государь император Петр Великий, учредивший табель, понимал, что делает... Коллежский регистратор — самая последняя на виц-мундире мелкая пуговица, на заднем разрезе их пришивали, одним словом, пустяковый чин, а к нему надо было обращаться «ваше благородие!» Так вот у хамов почтение к начальствующим персонам и воспитывалось... Слушаю вас, ваше превосходительство... Извините, а в Совдепии всем сестрам по серьгам — товарищ! Как будто других слов в языке нет. Даму и то — товарищ. А разве плохо — сударыня? Или, на худой конец, мадам? Извините, слушаю...

Благовещенский «ваше превосходительство» на этот раз не произнес, и Власову стало вроде не по себе: «Лень, что ли, лишний раз титул употребить?» А Иван Алексеевич понял, добавил:

— Слушаю, ваше превосходительство... Весь, можно сказать, внимание...

«Я вижу, ты похлеще всех!» — подумал Власов, а вслух сказал:

— Не мне вас, Иван Алексеевич, агитировать...

— Это совершенно лишнее. Давайте прямо. Если вы предлагаете мне войти в «Русский комитет», так я с удовольствием.

— Очень хорошо... Я как раз и хотел вам это предложить... Рад, что встретил с вашей стороны полное понимание.

— Я давно об этом сам думал...

«Экий ты приткий! Тоже, поди, в заместители попросишься», — мелькнула у Власова ядовитая мысль.

— Поскольку, Андрей Андреевич, без организации нам тут труба, в одиночку всех нас, как шенят, немцы все равно утопят, считайте, что я с вами...

И, словно угадав, о чем думает Власов, проникновенно добавил:

— С вами... И безо всяких условий о моей личности... Но совет, если разрешите, подать могу.

— Рад выслушать.
— Помните лозунг — извините за большевистское слово, привык, — разделяй и властвуй. Я предлагаю иное: сначала объединяй, потом разделяй и властвуй. Могу полезных людей порекомендовать... Я тут раньше вас, посему больше в курсе... Ненавистников Советской оккупационной власти здесь хватает, и в Париже, и в Праге — где угодно. Многим она на любимые мазолы наступила, а кое-кому совсем лапы оттяпала... К вам сейчас потянутся, не избежать вам и пантрапы, пустяковщины. Можно, конечно, мелочь от-

вистского ига губерниях лет по двенадцати — четырнадцать.

— На какой предмет?

— Немцы хотят готовить кадры административных работников — в магистраты, полицию... Дело бесперспективное...

— Почему?

— Мрут! Смета крохотная, паек мизерный, а бегают много, только строевых три часа ежедневно... За прошлый месяц из пятисот человек двести сорок списали...

— То есть как списали?

— А куда же их, мертвеньких? Царство им небесное, невинным отрокам...

ре сидел нахохлившись — рюмки меньше наперстка! Потом вышел, хлебнул тайком из своих припасов, подобрел. Похвастал перед Власовым удостоверением: «Офицерский лагерь XIII-D (Офлаг XIII-D) Абверофицер (АО) Удостоверение.

Русский военнопленный генерал Трухин Федор, опознавательный знак № 49 офлаг XIII-D, член русской национальной рабочей партии (Комитет для борьбы с коммунизмом) и, как таковой, является благонадежным и пригодным к использованию в наших интересах». Справа

Арк. ВАСИЛЬЕВ

В час дня, Ваше превосходительство

«А у тебя рожа того и гляди лопнет!» — опять промелькнула ядовитая мысль. Расстались почти друзьями.

— Ну-с, давайте сюда господина Понеделина, — весело скомандовал Власов.

Трухин усмехнулся:

— С ним, Андрей Андреевич, потяжелее придется... Упрямя!

— Ничего! Уговорю... Давайте, давайте...

Разговор с бывшим командующим 12-й армией генерал-лейтенантом Понеделиным, попавшим в плен в августе сорок первого года на Юго-Западном фронте, получился на редкость коротким.

— Что тебе, Власов, от меня надо?

— Хочу поговорить.

— Не о чем мне с тобой говорить...

— А я думаю, есть о чем.

— Ну и думай, если нравится...

И ушел, сказав Трухину:

— Больше меня к этому стервецу не вызывайте...

Беспольным вышел разговор и с бывшим командующим 8-м корпусом генерал-майором Снеговым.

Снегов, правда, хоть выслушал.

— Ну, что скажете, господин Снегов?

Снегов вздохнул, поднялся с табуретки.

— И тебе не стыдно, Власов?

Молча подошел к двери, нул ее ногой. Дверь не поддалась.

— Вот сволочь! — произнес Снегов. Было непонятно, кого он обругал — то ли дверь, то ли Власова.

— Не торопись! Подумай, — крикнул Власов. — У тебя все равно выхода нет.

Снегов приналег плечом. Дверь распахнулась.

— Это у тебя, Власов, выхода нет... У меня, видишь, есть...

Ужинали у немецкого коменданта лагеря полковника Пелета. Выпили. Закуска не бог весть что, но по нынешним временам и на том спасибо: кильки ревельские, вареный картофель, сосиски (по три штуки!) со сладкой капустой — полковник Пелет, как выяснилось, обожал сладкое.

Штрикфельд поднял рюмку.

— Здоровье фюрера, господи!

Дружно ответили:

— Хайль!

Полковник предложил тост за гостя — выпили и за Власова.

— Набрали мальчишек в освобожденных от больше-

— подпись, сплошные завитушки. Слева — сиреневая печать со свастикой.

— Вы же мне про эту партию не сказали, — заметил Власов. — Это, выходит, третья?

— Филиал, — буркнул Трухин.

Штрикфельд глянул на часы. Власов догадался: «Пора уходить». И поднялся.

Ночевал в одной комнате с Трухиным. Тот, как только пришел, полез в тумбочку, достал початую бутылку, куда-то сбегал, принес печеной картошки в мундире и два крутых яйца.

— Вот теперь заправимся по-нашенски...

И разговорился.

— Я тут двоюродного брата отыскал, Юрия Андреевича Трегубова... В детстве часто виделись, а потом по большевистской милости оказались в разлуке...

— Как же это вам удалось, Федор Иванович?

— А у меня как у русского коменданта этого лагеря удостоверение на право беспрепятственного продвижения.

— По всей Германии?

— С известными ограничениями, но меня это вполне устраивает... А мой братец тут хорошо устроен... Главный инженер телефонного завода... Я вас обязательно познакомлю... У него собираются милые люди — Брунст, Редлих, Евреинов, все наши...

— Эмигранты? — припомнил Власов совет Благовещенского.

— Да, в основном. Бывают и бывшие советские. Преодолевающая личность военный врач Крупнович. Прослушал у большевиков почти четверть века, и никто не знал, что он сын принца Ольденбургского. Вот хитрец! Я вас еще кое с кем познакомлю... Во-первых, обязательно с Сергеем Николаевичем Сверчковым...

— Кто он?

— В прошлом артист... Говорит, что одно время входил в труппу МХАТа, но, по моему, врет... Бог с ним! Все тут себе новые биографии сочиняют, кто во что горазд... Жиленков себя генерал-лейтенантом объявил, и ничего, сошло... Так вот, о Сверчкове. Он составил программу нашей партии.

— Извините, Федор Иванович, какую именно вы имеете в виду?

— Нашу основную — НТС, народно-трудовой союз...

— Вы ее как-то по-другому называли, да и в удосто-

верении у вас по-иному указано — русская национальная рабочая партия...

— Дать времени, Андрей Андреевич... Надо и хамам что-нибудь подкидывать... Хочу порекомендовать вам одного молодого человека — господина Астафьева. Недавно из Парижа. Покойный родитель его, если мне память не изменяет, до переворота не то коммерсантом был из крупных, не то профессором истории. Господин Астафьев, мне о нем Жеребков говорил, прибыл в Германию исключительно ради вас... Кто-то ему рассказал о ваших намерениях, он и воспылал к вам любовью: я, говорит, за освобождение моей отчизны от коммунистической вредности за господином Власовым — в огонь и воду... Вы меня слушаете, Андрей Андреевич?

— Слушаю со всем вниманием, Астафьев, говорите? Надо запомнить...

— Вы запишите, Астафьев Иван Апполонович... Очень мил... Еще я вас познакомлю с господином Швейцовым, образованный господин, директорствовал в Московском педагогическом институте... Должен вам сказать, научных кадров у нас маловато — Николай Николаевич Поппе, член-корреспондент, профессор Андреев, в московском гормашучете работал, преподаватель Кошкин из Ленинградского финансового института, потом еще этот, забыл фамилию — не то Гришасев, не то Гришкин, преподаватель литинститута, это личность бесполостная, это личность бесполостная, пустообрех... А вот Алмазов Александр Ардалионович фигура серьезная, только бы не удрал к англичанам, поскольку сплошной англоман... С Блюменталь-Тамариным, случайно, не знакомы? Он тоже в Германии, в Кенигсберге, директором на радио, шумный господин, я его недолюбиваю...

Трухин посмотрел на часы.

— Извините, мне пора.

— Куда это вы так поздно?

— У нас сегодня ревизия... Я так внезапно обыски называю... Только-только мои мерзавцы после отбоя уснут, а мы их поднимем... Но я ненадолго, распоряжусь...

Трухин ушел, сказав на прощанье:

— Ложитесь...

И запер дверь снаружи.

Власов, раздеваясь, подумал: «Мелок ты, Федор Иванович, очень мелок... Куда все делось? В Москве в Академии имени Фрунзе тактику слушателям читал, пять дней заместителем начальника штаба армии был, а теперь внезапными обысками занимаешься. Я еще подумаю, стоит ли мне с тобой связываться... А впрочем, зачем мне толковый заместитель? Толковый самого меня столкнет... Ах, все равно я теперь полностью от немцев завишу, от Штрикфельда... Как он доложит начальству, так оно и будет себя со мной вести. Следовательно, черт с ними, с Трухиным, Благовещенским. Какие есть, таких и буду приглашать...»

По окну полоснул луч прожектора, залаяли овчарки, где-то неподалеку прозвучал выстрел. «Началась ревизия», — подумал Власов.

В дверь постучали.

— Кто там?

— Это я, Закутный... Откройте, Андрей Андреевич.

— У меня ключа нет, он у Федора Ивановича.

Закутный захохотал:

— Как он вас! Под замком содержится... Вот болван, прости господи... Сейчас я его разыщу...

После, вспоминая неожиданный приезд Закутного, Власов сообразил, что словоохотливый Дмитрий Ефимович прислало высокое начальство из главного управления имперской безопасности, — очень уж тщательно расспрашивал господина Закутного о переговорах с пленными генералами.

(Продолжение следует).

СНЕЖАНЬ... У лесе і ў полі стаіць чароўная цішыня. Усе гукі патагнулі ў пухляк прыне сцягоў. Усе навакол у глыбокім крышталёва-тэматычным сне. Заснулі дрэвы, кусты, травы, схаваліся пад снежныя гурбы пасевы азімых.

А ёлкі! Яны стаяць чароўнымі прынецсамі. Вось чаму ў старажытныя часы язычнікі мелі цягу да гэтага характара — вешалі прынесеныя падарункі на яе калючыя галінкі. З глыбінь вякоў прыйшоў звычай упрыгожваць навагоднія ёлкі агнямі, усялякімі забаўкамі, цацкамі...

Дычае злосны сівер. Але як бы зіма ні пагражала, яна не можа змяніць жыццё дрымучых нетраў. Каб упэўніцца ў гэтым, зробім невялікае падарожжа на ўлонне прыроды Бярэзінскага запаведніка.

...Вось ноччу прайшоў лось. Яго след ідзе сенавознай дарогай прысінічанскай лугавіны, а пасля знікае на абочыне. Цяжка ішоў велікан, прабіваючы шарпак, правальваўся ў падушкі купін, абразаў ногі асколкамі снежных камякоў.

У запаведным лесе шмат звырных слядоў. Вепруковы сцежкі — быццам пракапананыя канавы. Цягне вепрук кароткія ногі па іскрыстай белі і шырока разворвае на бакі мяккую парашу.

Казуля друкуе на зімовай палатніне надзвычай акуратныя адбіткі «абцасікаў»: яна высокая ўзімае свае стройныя ногі. Кожны яе крок — адбітак палахлівай асцярожнасці. Ступіць раз — замрэ ў нерухомаці, зробіць другі крок — зноў прыслухаецца да наваколя. Ледзь пакрадае пушыстымі вушамі — кожны лясны гук быццам навобмацак спрабуе, слухае, разважае ды танюсенькімі ножкамі перабірае асцярожна. Бадай, нічога і не зробіш, калі табе ў якасці ўсёй абароны прырода падаравала толькі вострую чуйнасць ды шпаклявыя ногі.

Заяц сёння піша на ўзлесках ірваных, адрывістых радкі: скача, нібы пругкі мяч, завязвае ўсялякія мудрагелістыя вузлы, круціць петлі, гне дугі... Роўна бегаць касавокаму нельга, хутка напатакае бяда — трапіш у зубы лісцы або вострыя кіпцюры

га сонца, сцелецца берагам Сергучоўскага канала. Смятам мітусяцца сініцы. Яны, нібы па важнай справе, спяшаюцца некуды. Накляваўшыся пустазелля, тры чубаткі прыселі на зялёныя падмошкі елачкі, дбайна пачысцілі дзюбкі і пырхнулі

вая, як спешчаная прыгажуня: тут нехаця дзеўбане, там нядбайна пакапаецца, усё шукае чаго-небудзь смачнейшага, лепшага. Добра і цікава слухаць не толькі золкам, але і вечарам, чым лес запаведны жыве і хто ў ім дычае.

Калі над бязмежнай пушчай плыве залатым шарам месяц ды зорак у небе навалом, то са сваіх утульных церамоў выбягаюць на паліванне мышалоўныя зваркі — ласка, гарнастай, шашок... Маскіруючыся шэрымі ценямі начной смугі, разбойнічае куніца, цікуе за чарговай ахвярай і драпежніча-рысь. Начны свет для кугаўкі, пугача або белай палярнай савы з'яўляецца велзарнай чорна-белай карцінай, на якой занатаваны дрэвы, палянкі, прагаліны, спячыя крылатыя спевакі і чатырохногія зімоўшчыкі. Паветраная «кошка», аглядаючы зверху дрэмлючую цішыню, цяплява чакае парушальнікаў зімовай маўкліваці. Калі ўнізе — лянна, сірты сена — зашапоча мышавідны грызун, кугаўка бязгучна на хуткасці да сотні кіламетраў у гадзіну пікіруе на заўважаную істоту і ніколі не зробіць промаху.

Зіма! Цёмна і ціха пад ледзяной страхой на азёрна-рачных глыбінях. Іскрысты снег захінуў лёд, не дапускае сюды сонечнага святла і пераліўнага бляску зорак. Навы праснаводныя — уюны, карасі, ліні, ляшчы — яшчэ пры лістападаўскай цеплыні заляглі ў мяккі глей і смачна спяць. Гэтыя жыхары зыбкай стыхі добра прызвычаліся да цяжкай пяці-шасцімесячнай зімовай асады. У поўнай бадзёрасці бавяць вольны час ярыш, шчупакі, плоткі, ментузы... Гарбатыя, з цёмнымі папярочнымі палосамі, як сапраўдныя забіякі, плаваюць у падледных завулках агуні.

Снежань — канец года — час, калі наша Зямля заканчвае свой чарговы гіганцкі круг вакол агністага Сонца.

Ул. БУТАРАЎ.

У ПАЛОНЕ БЕЛАЙ МАЎКЛІВАСЦІ

варшуна ці совы пацвуматаюць цёплыя кажушкі.

Цікава цяпер набываць і ля падкормачных пляцовак і кармушак, размешчаных у зацінных кутках кожнага лясніцтва.

Тут снег здратаван вялікімі і малымі капітамі. Нялёгка адразу і зразумець, хто прыходзіць гасцяваць у свае зімовыя сталовыя. Сюды наведваліся есці духмяны мурог алені, бульбяна-жалудоўны сніданак апетытна з'елі вепрукі, адсюль узялі свае порцыі і сойкі з сарокамі.

Наш шлях, асветлены ружовымі праменьнямі ранішня-

ўтору, а галінка яшчэ доўга, як нацягнутая струна, хістаецца, гушкаецца ў ранішнім спакоі, скідаючы з намерзлых шыпулек сцюдзёную вясёлку сняжынак.

Важны надзвонкі франты-снегіры ўзімку кормяцца павольна. Рабіна, каліна і пушышкі пладоўных дрэў — іх галоўны харч. Гарэзлівым сойкам цяпер не сядзіцца на адным месцы, яны носяцца з дзялянкі ў дзялянку, усміхаючыся блакітнымі люстэрамі на крыллях, быццам ім туды хтосьці па стужцы шаўковай тканіны прышліў. Сойка — птушка пераборлі-

КРОК ДА ДАСКАНАЛАСЦІ

Ніхто не можа сказаць з упэўненасцю, колькі год існуе прафесія цырульніка. Дзе-тры тысячы год, а можа і больш. Вядома, напрыклад, што ўжо ў старажытнай Грэцыі існавалі спецыяльныя салоны, дзе стрылі валасы, а ў Рыме пры ласных выконваліся такія работы, як галенне, стрыжка, масаж, манікюр.

Цырульнай справе ў нашай краіне, асабліва ў апошнія гады, удзяляецца вялікая ўвага. У нашых майстроў паступова выпрацоўваецца свой стыль, свае мода, свой напрамак, адметнай рысай якога быў і ёсць здаровы сэнс, зручнасць і прыгажосць. У розных гарадах арганізуюцца конкурсы цырульнікаў. На іх майстры маюць магчымасць памерцацца сіламі, выявіць лепшых, падзяліцца вопытам.

Нядаўна ў адным са шматлікіх клубаў Мінска — клубе імя Дзяржынскага адбыўся чарговы конкурс маладых цырульнікаў беларускай сталіцы. Перад пачаткам спартоўнага наместнік дырэктара канторы цырульнай гаспадаркі — арганізатара конкурсу — Ніна Даніліна расказала:

— Такія конкурсы сталі ўжо традыцыйнымі. Гэты — чацвёрты па ліку. У ім выступаць чатырнаццаць жаночых і столькі ж мужчынскіх майстроў. Гэта лепшыя з тых дзевяцісот, якія працуюць у 86 майстэрнях горада. Асноўная задача, якая стаіць перад удзельнікамі, — паказаць элагантныя сучасныя прычоскі. Адно з патрабаванняў конкурсу — штодзённая прычоска пазіўна адпавядаць характару работы і ў той жа час лёгка ператварацца ў вясчэрнюю.

І зось галоўны суддзя аб'яўляе аб пачатку конкурсу. За работай удзельнікаў уважліва сочаць члены журы. Яны робяць запісы ў сваіх бланках, каб пасля даць ацэнку рабоце кожнага майстра. У склад журы ўваходзяць вопытныя мадэльеры з Ленінграда, Рыгі, Вільнюса, Віцебска і іншых гарадоў Савецкага Саюза.

Сярод гледачоў таксама нямала цырульнікаў, якія прыйшлі паглядзець на работу сваіх малодшых калег. Вось, напрыклад, адна з іх — мадэльер Нінэль Ляскоўская. У чэрвені гэтага года яна паспяхова выступіла ў міжнародных спартоўна-цырульна-сацыялістычных краін на кубак дружбы ў Любляне (Югаславія).

На сцэне жаночых майстроў змяняюць мужчынскія. Непрыкметна бяжыць час. Члены журы выставілі свае ацэнкі. Суддзі падлічылі ачкі. І вось вынік: першае месца сярод жаночых майстроў заняла Галіна Смурговіч. Прычоска «Далёкая зорка», якую яна зрабіла Людміле Грачовай, аднадушна была прызнана лепшай на конкурсе. Сярод мужчынскіх майстроў першым быў Яфім Шнітман.

Конкурс закончаны. Задаволены гледачы, а тым больш удзельнікі. Зроблены яшчэ адзін крок да дасканаласці ў цырульнай справе.

Ул. МЯЛЕШКА.

НА ЗДЫМКАХ:

Людміла ГРАЧОВА — уладальніца прычоскі «Далёкая зорка», зробленай пераможцай конкурсу Галінай СМУРГОВІЧ.

Спаборнічаюць маладыя майстры цырульнай справы.

Фота І. ЗМІТРОВІЧА.

Штогоднік «Lingua Posnaniensis», друкаваны орган Познанскага таварыства сяброў навук, які выдаецца з дапамогай Польскай акадэміі навук, на сваіх старонках змяшчае артыкулы, рэцэнзіі і справаздачы на польскай, рускай, французскай, нямецкай і англійскай мовах, прысвечаныя параўнаўчаму і агульнаму мовазнаўству.

У апошнім, чатырнацятым нумары надрукаваны артыкул Эльжбеты Смуклоўскай (на польскай мове) пад назвай «Літуанізмы ў беларускай сельскагаспадарчай лексіцы».

Артыкул суправаджаецца дзвюма картамі Беларускай і БССР. У даследаванні падаецца багатая бібліяграфія прац польскіх вучоных у галіне беларусістыкі.

З. КЛЫШКА.

гумар

Адзін англійскі доктар так выказаўся аб узаемаадносінах душэўнахворых з урачамі:

— Неўротык — гэта чалавек, які будзе паветраныя замкі, душэўнахворы — чалавек, які жыве ў іх, а псіхіятр — чалавек, які бярэ за гэта кватэрную плату.

— Паслухай, Джон, там нехта крычыць, просіць дапамогі. Можна, пойдзем і высветлім, у чым справа?

— Навошта? Даведаемся ўсё з ранішніх газет.

— Я падаю на развод. Мая жонка не размаўляе са мной ужо шэсць месяцаў.

— А думайся, Сэм! Дзе ты знойдзеш другую такую жонку!

Рэгістратар пытае ў жанчыны:

— Незамужняя?

— Так, двойчы.

— Мой дарогі Джэксан, я ведаю, што вы вельмі любіце маю дачку і рашылі з ёй ажаніцца. Але павінен вам шчыра сказаць, што за апошні час я страціў на біржы амаль усё сваё багацце.

— Сэр, гэта вельмі сумна. Згадзіцеся, што пры падобных абставінах з майго боку было б чорнай няўдзячнасцю звыш таго, што адбылося, яшчэ адабраць у вас адзіную дачку.

— Мая жонка — жанчына немнагаслоўная. Уся бяда ў тым, што свае нямногія словы яна ўжывае занадта часта.

У паліцэйскім участку раздаўся тэлефонны званок:

— Паслухайце, сержант, гэта гаворыць міс Рэнстан. Я знайшла ў сваёй кватэры двух незнаёмых. Прышліце палісмена, каб ён аднаго з іх выштурхнуў.

Размова за кулісамі:

— Чым усхвалявана наша прыма?

— Сёння ёй паднеслі толькі дзевяць букетаў.

— Але ці гэтага мала?

— Так, бо яна заплаціла за дзевяць.

Да кашулі хворага, дастаўленага ў паліклініку, прышлілена паперка з надпісам: «Доктар! Гэта эпілепсія, а не апендыцыт. Апендыкс мне ўжо выразалі двойчы».

Рэжысёр:

— Гэта знакамітасць патрабуе 500 долараў за ролю індзейца!

— Дайце яму палову і няхай іграе метыса!

РЕДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ.

НАШ АДРАС:

МІНСК, ЛЕНІНСКІ ПРАСПЕКТ, 77.

ТЭЛЕФОНЫ: 32-20-31,

6-97-92, 6-18-88, 33-15-15.